
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: ОТ УТОПИИ БЕСПОЛЯРНОГО МИРА К КИТАЙСКОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКЕ»

К.И. Аксёнова

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Автор статьи затрагивает стратегическую проблему построения внешней политики Китая, которая в условиях формирования многополярного мира в скором времени поставит страну перед определяющим выбором и возможностью проведения модернизации. Успешный выход из финансового кризиса сыграл злую шутку с Пекином — имидж «донора капитала» вызывает опасения у ведущих держав. Будущее китайской внешней политики во многом будет зависеть от ее способности к переходу к более динамичному и гибкому реагированию на быстроменяющиеся тенденции — «перезагрузке».

Ключевые слова: внешняя политика Китая, бесполярный мир, многополярный мир, финансовый кризис, донор капитала, глобализация, власть и сила, хуатяо, гармоничный мир, перезагрузка.

Внешняя политика КНР во многом основывается на тысячелетних традициях ведения государственных дел, философском представлении о власти, конфуцианстве, даосизме, модели гуанси (1), а также верности национальным традициям. Все перечисленное можно отнести и к особенностям внутренней политики Китая, что указывает, на наш взгляд, на стратегическую ошибку в перспективе, но, вместе с тем, обеспечивает все те условия, которые позволили стране в современный период сотворить свое «экономическое чудо».

Сегодня говорить о центрах силы и власти модно и актуально, особенно потому, что они становятся «менее различимыми», как утверждают исследователи. Итог — движение к бесполярному миру.

В данном случае прогнозы сторонников подъема китайской цивилизации на фоне увязшего в финансовом кризисе мирового сообщества оказываются весьма противоречивыми, не отступая при этом от многополярности. В любом случае стать ведущей региональной державой, по заявлениям ученых [4], Китай пока не готов, в частности ввиду стратегически узкой внешней политики.

Сторонники теории бесполярного мира основываются на предположении — возможном доминировании множества акторов на мировой арене, способных не только оказывать воздействие на политические процессы, но и ведущих к ситуации, когда влияние и сила становятся все менее и менее взаимосвязанными.

Согласно утверждению Ричарда Хааса, президента Совета по международным отношениям (США), развитию бесполярной системы способствует утрата государствами-нациями монополии на власть, рассредоточение последней на уровне региональных и всемирных организаций, военных формирований, неправительственных организаций (НПО) и различных корпораций; экономическая политика

США, ее внешняя политика (отсутствие энергетической политики как таковой, спровоцировавшее экономический рост стран — экспортеров нефти), а также война в Ираке [7]. Большое влияние на процесс оказывает и Интернет, мгновенное распространение информации, и в целом — совершенствование информационных технологий и последствия глобализации.

Однако возможная перспектива формирования бесполярного мира, характеризующегося дисперсией сил, представляется автору скорее утопией, или бóльшим кризисом международных отношений — ввиду природы человека и того факта, что стержнем мировой политики является конкуренция между государствами [1].

Так, Китай сегодня является одним из самых ярких примеров, опровергающих сценарий бесполярности. Даже если Пекин не станет главным центром притяжения ресурсов, власти, экономик, он все равно будет представлять «сферу уважения интересов» [5. С. 110] со стороны региональных государств, по принципу «А что думают по этому поводу в Пекине?», — поскольку очень сильна его социокультурная роль (в самом широком смысле слова) в АТР.

Уже сейчас он активно мобилизует поддержку своей чрезвычайно богатой и экономически сильной диаспоры в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле, Джакарте, не говоря уже о Тайване и Гонконге.

Совокупные активы 500 ведущих компаний Юго-Восточной Азии, владельцами которых являются китайцы, составляли на середину 90-х гг. XX в. более 540 млрд долларов, отмечал еще Бжезинский [3]. Ежегодный доход 50 миллионов китайцев, проживающих за рубежом, также составляет около 1,5 триллиона долларов. Ханьцы (но, вернее, — хуатяо — китайцы, живущие за пределами КНР) контролируют до 90% экономики Индонезии, 75% экономики Таиланда, 50—60% — Малайзии, а также контролируют экономику Тайваня, Гонконга и Сингапура [3].

Альтернативный американскому центр, прежде всего финансовой власти, Китай сегодня строит более дерзкую политическую линию, все меньше извиняясь за решительное отстаивание своих интересов. К примеру, отказ в 2009 г. от многолетнего подхода Дэна Сяопина «действовать тихо» стал знаком постепенного отмежевания КНР от североамериканской державы и перехода страны к более сбалансированной модели экономического роста, опирающейся в большей степени на внутренний рынок с целью ослабления внешней зависимости Китая и укрепления его национальной безопасности.

Следуя идее Пекинского консенсуса (2), КНР не отказывается от вовлеченности в глобальные процессы и активного участия в формировании нового миропорядка. Наоборот, страна никогда еще не была более открытой, чем сейчас. Но все же ее внешняя политика, как справедливо замечает Бобо Ло (3), остается от начала и до конца проявлением приоритетов внутренней политики. Китайская внешняя политика сегодня нуждается в «постоянной перезагрузке» — «не столько в резком старте, сколько в непрерывно идущем процессе приспособления к внешним условиям и к расширяющимся возможностям самого Китая» [4]. Маневренность и гибкость с опорой на национальные традиции — вот идеальная формула, которую пророчат Пекину при успешном освоении мирового геополитического пространства.

«Перезагрузка» как адаптация или даже как внешнее изменение менталитета китайского руководства, изменение основополагающих предпосылок и характера внешней политики становятся все более значимыми факторами и необходимыми для качественного подкрепления экономической платформы и политического веса КНР на мировой арене. Тем более что умение адаптироваться и ассимилировать под себя окружающую среду — как то элементы глобальной культуры либо западных завоевателей — является именно той чертой, которая была (и есть) свойственна китайской цивилизации, что подтверждает история.

Но при детальном рассмотрении Пекин не располагает даже какой-либо общей стратегией в своей внешней политике — есть только ряд несвязанных между собой приоритетов. Так, среди них в последнее время выделяют:

— укрепление внутривнутриполитической стабильности (усиление власти Коммунистической партии в Синьцзяне, противодействие уйгурскому сепаратизму и исламскому радикализму, укрепление безопасности в регионе, защита национального суверенитета, приобретение ресурсов);

— проецирование силы (нетрадиционный подход, цель которого — упростить доставку материальных благ);

— минимум обязательств («Спокойно наблюдайте, отстаивайте интересы, спокойно справляйтесь с текущими делами, скрывайте свои возможности и ждите благоприятного момента» (4)).

Возвращаясь к теории бесполярного мира, особо отметим:

— построение гармоничного мира (эта задача прочно ассоциируется с председателем КНР Ху Цзиньтао и заключается в достижении стабильной и благоприятной обстановки в мире для проведения модернизации в Китае; необходимое условие — многополярность);

— влияние на международную политику (Пекин призывает к созданию многополярного мира и новой финансовой архитектуре, но избегает чрезмерного сближения с крупными державами и региональными организациями — так, в Африке китайцы раздают кредиты на льготных условиях и оказывают помощь в обмен на прямой доступ к природным ресурсам; в ШОС — представляют свои интересы как блага всего региона; участвуют в саммитах БРИК, но ничего конкретного для их развития не предпринимают, и т.д.).

Из приведенного списка мы видим, что внешняя политика КНР носит двойственный характер: с одной стороны, мы слышим грандиозные лозунги, а на самом деле все сводится к прагматичному отстаиванию лишь собственных национальных интересов.

Китайское руководство твердит о многополярном мире, но его внешняя политика остается преимущественно американоцентричной.

Не случайно разговоры о КНР, китайской политике не утихают за Атлантическим океаном: но если раньше власти США дискутировали о «Китайской угрозе» (5), продвигая свою политику «Открытых дверей» (6), то теперь в азиатском партнере ищут союзника, выражая при этом обеспокоенность китайской концепцией «Собирания земель» (по сути — мирной экспансией), для реализации ко-

торой Пекин использует разбросанных в разных странах мира хуатяо — свою «пятую колонну».

Так, в странах ЮВА открыто лоббируются интересы КПК по распространению ее влияния в регионе. Примеров много: Таиланд в 1997 г. стал посредником между Китаем и АСЕАН в расширении сотрудничества; среднеазиатские республики бывшего СССР, готовые играть роль буфера в отношениях КНР — РФ в обмен на поддержку своей независимости и т.д.

Преимущество Китая заключается в том, что он допускает и использует сосуществование под одним цивилизационно-государственным зонтиком очень разных и даже совершенно отдельных культурных и политических миров: это и континентальный Китай, по-своему очень многоликий, и особые экономические зоны, где работают иностранные предприятия, и автономные административные районы Гонконг и Макао; самостоятельный Тайвань. Эта периферия, резко отличающаяся и по своей истории, и по внутреннему положению, и по внешней ориентации от материка, представляющая как бы «второй Китай». Многочисленная китайская община в Юго-Восточной Азии — «третий Китай». Наконец, китайская диаспора в Америке, Европе и Австралии, сохраняющая тесные связи со своей исторической родиной, составляет самый внешний пояс *Rax Sinica* — «четвертый Китай». Настоящий мир в мире.

Концепция «Собирания земель» позволяет преумножать и так самый большой ресурс Коммунистической партии — китайцев. И, как видится автору, именно благодаря этому факту, а также особой стратегии аккультурации, Китай в большей степени, нежели другие, выигрывает в условиях глобализации. Однако количество никогда не заменит качество — необходимость постоянной «перезагрузки» внешнеполитического курса в скором времени поставит КНР перед выбором — остаться страной со статусом «развивающейся» или двигаться вперед.

Тем более что уже сейчас имидж Китая на мировой арене претерпевает совсем неблагоприятные изменения: так, злую шутку сыграл с ним успешный выход из финансового кризиса, подпортив образ благородной и великодушной страны. В то время, когда все члены «Большой двадцатки» находились в сложном и непредсказуемом положении, Китай превратился в «донора капитала». Сегодня Пекин продолжает настаивать на том, что КНР — развивающаяся страна, но в это уже почти никто не верит.

Гармоничный мир, к которому стремятся китайцы, перестал быть таким уж гармоничным.

Подозрения ведущих держав, включая Россию, что Пекин использует экономические активы для получения геополитической выгоды, лишь усиливаются. Даже в случае отсутствия таковых намерений у китайской стороны у многих остаются опасения, что усиление экономического влияния Китая само по себе создаст новые стратегические вызовы.

«Большую часть времени после окончания холодной войны, — пишет Бобо Ло, — Китай в своей внешней политике исходил из концепции „одна сверхдержава, несколько великих держав“», — справедливо заметив, что «хотя Пекин часто го-

ворит о многополярном мировом устройстве», у него нет уверенности в том, что этот порядок — дело уже завтрашнего дня. Есть большие возможности, но и риски непомерно высоки. Даже те, кто верит в неизбежность дальнейшего подъема КНР, отдают себе отчет в том, что в этом случае Пекин столкнется с новыми, серьезными вызовами» [7].

На наш взгляд, несомненно лишь то, что становление бесполярного мира нам не грозит. А современный Китай стоит перед сложным поиском решения на ответ, который будет во многом зависеть от его внешней политики и способности к ее «перезагрузке».

«Вызов, на который предстоит ответить китайским стратегам, — пишут исследователи, — заключается в отходе от преимущественно статичных понятий, таких как „гармоничный мир“, и в переходе к более динамичному и гибкому реагированию на быстроменяющиеся тенденции» [2; 6; 4].

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Гуанси — большая семья, которая не ограничивается родственными связями и семейными отношениями, активно развиваясь в условиях бизнеса, государственных дел, диаспор и мирового сетевого сообщества.
- (2) Пекинский консенсус — концепция, заключающаяся в скептическом отношении к приватизации и свободной торговле, убеждении, что глобализация не должна приводить к подрыву национального суверенитета и к разрушению национальных моделей развития.
- (3) Бобо Ло — независимый исследователь, консультант. Автор многих книг, включая «Ось по расчету: Москва, Пекин и новая геополитика» (*Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics*, 2008), «Владимир Путин и эволюция российской внешней политики» (*Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy*, 2003) и «Российская внешняя политика в постсоветскую эпоху: реальность, иллюзия и мифотворчество» (*Russian Foreign Policy in the Post Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking*, 2002).
- (4) Слова Дэна Сяопина.
- (5) Политический миф, изначально инициированный Японией, однако вскоре был быстро подхвачен Соединенными Штатами в качестве современной концепции «сдерживания Китая» (конец 90-х — начало 2000-х гг.).
- (6) Политика «Открытых дверей» концептуально определяет мир в качестве одного абстрактного мирового рынка, двери которого открыты для США. Президент Теодор Рузвельт рассматривал ее в качестве доктрины Монро для Азии (доктрина Монро сводилась к лозунгу «Америка (Северная и Южная) для американцев» и агрессивному экспансионизму). Позже президент Вильсон определил ее как доктрину Монро для всех географических регионов кроме Западного полушария. Впервые политика «Открытых дверей» была применена британским и американским империализмом как раз в отношении Китая и привела к так называемой «опиумной войне» (1840—1842 и 1856—1860 гг.) и колонизации азиатского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Антибесполярный мир. URL: http://www.unitednations.ru/articles_23_1162284515.html
- [2] *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М., 2007.
- [3] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. URL: <http://politlogia.narod.ru/b/bzezinsky/06.htm>
- [4] *Бобо Ло.* «Постоянная перезагрузка» Китая // Россия в глобальной политике. — 23 октября 2010 г. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Postoyannaya-perezagruzka-Kitaya-15017>

- [5] *Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». — М., 2010.
- [6] *Сун Цян, Чжан Цзанцзан, Цяо Бянь.* Китай может сказать «нет». — КНР, 1996.
- [7] *Хаас Р.* Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. — 20.07.2008.
URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11144

THE FOREIGN POLICY OF MODERN CHINA: FROM THE UTOPIA OF NONPOLAR WORLD TO CHINESE “RESET”

K.I. Aksenova

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The author touches the strategic problem of building China's foreign policy, which in a multipolar world will soon make the country do its significant choice and find an opportunity of modernization. Successful exit strategy from the financial crisis has played a low-down trick with Beijing — the «donor of capital» image raised fears among the leading powers. So, the future of China's foreign policy will depend largely on its ability to transition to a more dynamic and flexible response to rapidly changing trends — the «reset».

Key words: China's foreign policy, nonpolar world, multipolar world, financial crisis, donor of capital, globalization, power and strength, huatiao, world of harmony, reset.